

МЕРТВЫЙ ОСЕЛЬ
и
ОБЕЗГЛАВЛЕНАЯ ЖЕНЩИНА.

Г л а в а 1.

К о л о.

*Les paillards Turcs m'avaient mis en broche.
(Rebelais. Pantagruel.)*

Приключеніе повѣшеннаго, не выходило изъ головы моей тѣмъ болѣе, что во Франціи, Англіи, и даже въ Швейцаріи, благородной и славной частицѣ шой экспериментальной Германіи, умозрительные труды копорой разлились повсюду, возникла новая школа публици-

сповѣ, и первой спашьей ихъ уложенія, было уничтоженіе смертной казни. Это предложеніе, нашло многихъ прошивниковъ, что всегда будетъ между народами, просвѣщеніе и ученость которыхъ дають имъ возможность играть парадоксами. . Увлечшись не вольно въ споры о томъ же предметѣ, я былъ очень доволенъ тѣмъ, что говорилъ съ повѣшеннымъ, слышалъ его ощущенія смерти, и могъ рассказать похождения выходца изъ того свѣта, недовольствуясь и не полнымъ и не яснымъ рассказомъ спрадальца, идущаго на смертную казнь. Мнѣ казалось, что я

нашелъ не опровергаемое доказательство въ пользу закона о наказаніяхъ , опровергаемаго нашими мудрецами , и ждалъ только случая , чшобъ вполне развить его.

Случай представился скоро. Я поѣхалъ въ деревню. Была осень. Вечеръ скучный, унылый загналъ все общество въ холодную , обширную залу. Общество было многочисленное, но люди его составлявшіе , не были одушевлены тѣмъ дѣятельнымъ участіемъ другъ въ другъ , которое сближаетъ людей , и отгоняетъ отъ нихъ скуку. Посрединѣ залы сидѣ-

ли дамы, и пропивъ своего обыкновенія, молча занимались работою. Мужчины, изрѣдко обращали другъ къ другу нѣсколько пустыхъ словъ, — и вечеръ ушомилъ бы все общество, еслибъ великій вопросъ о смертной казни, не разшевелилъ спраси. И все оживилось, — каждый имѣлъ въ запасѣ готовыхъ доказательствъ, каждый не дожидаясь очереди, говорилъ и кричалъ сколько доставало силъ. Я, какъ человекъ ловкій, выждалъ минушу когда утихли споры и крики, и рассказалъ похожденія повѣшеннаго.

Моя исторія не произвела большаго впечатлѣнія на слушателей, и точно, надобно было слышать ее отъ самаго бандита, чтобъ повѣрить ей; разказанная мною, она казалась невѣроятною сказкою. Споры возобновились, противники мои шоржеспвовали, и никто уже не рѣшался брать мою сторону, какъ вдругъ появился на мою помощь новый защитникъ: то былъ почтенный Мусульманинъ. Онъ поднялся съ софы, на кошорой небрежно сидѣлъ, и сказалъ спорщикамъ. „Что касается до меня, — я ни мало не сомнѣваюсь, что Ишальянецъ

былъ повѣшенъ , — потому что я самъ былъ посаженъ на колъ.

Послѣ эѣхъ словъ все умолкло ; мужчины подспунили къ Мусульманину , дамы оставили свою работу , и устремили на него свое вниманіе. Замѣчали ли вы , когда женщины слушающъ что нибудь для нихъ занимательное ? не изумляла ли тогда васъ ихъ физіогномія , такъ быстро оживляющаяся , ихъ неподвижно устремленные взоры , сдержанное дыханіе , прекрасныя шейки , вытянувшіяся во всю свою длину , и двѣ руки , небрежно покоющіяся на оставленной работѣ ;

и вопъ что восхищало меня одного, въ ожиданіи разсказа Турка.

— Благословенъ да будетъ Пророкъ! Одинъ разъ въ жизни моей случилось мнѣ проникнуть въ Сераль Его Высочества. —

Тутъ общее вниманіе возбудилось еще сильнѣе; я замѣтилъ, что одна дѣвушка лѣтъ пятнадцати, сидѣвшая подлѣ своей матери, схватила свою работу, какъ будто готовясь продолжая ее, Кто занятъ работою, тотъ какъ будто не слышитъ разговоровъ.

— Имя мое Гассанъ, продолжалъ Турокъ, — отецъ мой

былъ богашъ , и я шакже.
 Какъ Правовѣрный , я зна-
 валъ шолько одну спрасшъ —
 спрасшъ къ женщинамъ ; но
 чѣмъ спрасшнѣе я былъ , шѣмъ
 причудливѣе въ моихъ тре-
 бованіяхъ. Нигдѣ не нахо-
 дилъ я женщины , какой мнѣ
 хошѣлось. Ежедневно пока-
 зывали мнѣ новыхъ неволь-
 ницъ , шо черныхъ , какъ чер-
 ное дерево , шо бѣлыхъ , какъ
 слоновая кость , — я ухо-
 дилъ съ базару съ новою
 досадою , и наконецъ , жела-
 ніе мое опыскашъ красавицу
 возросло до того , что я рѣ-
 шился осмошрѣшъ Сераль По-
 велишеля Правовѣрныхъ.

Такъ какъ я и въ помышленіи не имѣлъ скрыватьсь, то и перебрался черезъ ограду Его Высочества пресвободно, не думая ни о Янычарахъ, ни о нѣмыхъ, и меня никто не примѣшилъ. Я благополучно проникнулъ сквозь тройную неприспущную ограду Серая, . . . наступилъ день, и я устремилъ въроломные взоры въ недосягаемое святилище; но, какъ изумился я, увидя, что жены преемника Мухамедова — точно такія же, какъ и всѣ женщины! Мое разочарованное воображеніе, не постигало такой печальной существенности; я начиналъ

досадовать на себя, какъ вдругъ спражи увидѣли меня и схватили.

Смершная казнъ имъ, если дѣло пустишь въ огласку, — смершная казнъ, и несчастнымъ женщинамъ, которыхъ я разсмаприваль; рѣшили, не доводить до свѣдѣнiя Его Высочества это оскверненiе его Гарема; вывели меня тихонько изъ за ужасной ограды, и присудили просто за просто, посадить на коль.

Можетъ быть вы не знаете, господа, что такое коль? Это инструментъ, похожiй на тѣ громоотводныя спрѣлы, изобрѣшенныя